

Оригинал здесь -- <http://www.rulex.ru/01010150.htm>

Айхенвальд, Юлий Исаевич, талантливый критик. Родился в 1872 году; сын популярного в Одессе раввина. В 1892 году окончил курс в Новороссийском университете по историко-филологическому факультету, получив золотую медаль за сочинение "Эмпиризм Локка и рационализм Лейбница". Поселившись в Москве, был секретарем Философского общества и редакции "Вопросов философии и психологии". Читает лекции по истории русской литературы на московских женских педагогических курсах, в университете имени Шанявского и на высших женских курсах (Герье). Часто, с большим успехом, читает публичные лекции в Москве и провинции. С 1895 года поместил ряд статей и рецензий в "Вестнике Воспитания", "Вопросах философии и психологии", Словаре Граната, "Курьере", "Научном Слове", петербургском "Слове" (критические фельетоны), в "Истории русской литературы XIX века" Овсяннико-Куликовского, в собрании сочинений Пушкина под редакцией Венгера и других. Особенно деятельное участие принимал в "Русских Ведомостях", где в 1895 - 1902 годах вел философскую библиографию, и в "Русской Мысли", где с 1902 года давал обзор драматического театра, а в 1907 - 1908 годах был членом редакции. Литературные характеристики А. вышли отдельным изданием под заглавием "Силуэты русских писателей", I выпуск в 1906 году (М., 2-е дополненное издание, М., 1908), II - в 1908 году (2-е исправленное издание, М., 1909), III - в 1910 году. Статьи педагогические и философские собраны под заглавием "Отдельные Страницы" (М., 1910). Отдельно вышли также книжка "Пушкин" (М., 1908) и брошюра "Валерий Брюсов" (М., 1910). Первые два выпуска "Силуэтов" удостоены Академией Наук в 1909 году почетного отзыва. А. переведена сказка Апулея "Амур и Психея" ("Пантеон Литературы", 1895); под его редакцией вышли книги Эллен Кей, "Век ребенка" (М., 1905), Ланге, "Женский вопрос", Маймона, "Введение в современную эстетику" (1909). С 1899 года в переводе и под редакцией А. выходит полное собрание сочинений Шопенгауэра. "Силуэты русских писателей" отводят А. заметное, весьма своеобразное место в современной критике. Общеизвестными можно считать его достоинства как замечательного стилиста. У него несомненно блестящий, образный слог; его статьи нечто вроде критических стихотворений в прозе. Отсюда известная их вычурность. Приподнятость А., однако, органически и свободно вытекает из его восторженного отношения к литературе. Те писатели, которых он любит, представляются ему пророками; каждое слово их полно священного значения, о них надо говорить молитвенно. Статьи А. являются попытками создания у нас чисто импрессионистской критики, задачи которой не столько истолковать автора, сколько передать впечатление, произведенное им на критика. Свои статьи о Пушкине А. так и называет "Отклики Пушкину". С этим крайним субъективизмом, в конце концов, можно было бы помириться как с особым рода творчеством. Но А. претендует и на объективное значение; ему кажется, что он рисует хотя и силуэтные, но все-таки портреты. Между тем, его силуэты нередко теряют всякое сходство с оригиналом, и это, главным образом, потому, что А. - историк литературы, намеренно игнорирующий историю. А. исходит из того, что искусство есть нечто абсолютно самодовлеющее и потому сознательно отказывается от анализа писателя в связи с условиями места и времени. Опираясь на авторитет немецкого эстетика Меймана, А. желает убедить русского читателя, воспитанного на отзывчивости к этико-социальным запросам в искусстве и критике, что "великие мастера и их великие ценители не только не служат продуктами своей эпохи, не только не подчиняются ей, а, наоборот, часто выступают в резкой противоположности к ней и к современному обществу"; "художник, который делается рабом социальных запросов, унижает этим и свое искусство, и самое общество". Вследствие такого отношения к общественности, А. столь же тенденциозен, как и самые крайние из защитников утилитарного искусства. Для А. сатирик, бытовик, общественник, будь это сам Тургенев, заранее осужден. "Настоящее" художественное творчество интересуется только созерцанием природы, проблемами страстей и... отношением к Богу. На религиозные вопросы враждебное отношение А. к идейности не распространяется. - Лучшее всего удался А. Пушкин, потому что он для него "божественный". Красиво передано А. "сладкое" очарование "Бахчисарайского фонтана", интересны замечания о "Скупом рыцаре", "Моцарте и Сальери". Слабее характеристики "Бориса Годунова" и "Евгения Онегина", именно потому, что здесь главную роль играют быт и реальная действительность. - Отдельные тома "Силуэтов" не однородны по общему тону. Благодаря первым "Силуэтам", за А. установилась репутация критика, "обсахаривающего" тех писателей, к которым относится хорошо. Это совершенно верно. Но уже во II т. "Силуэтов" А. с тою же неумеренностью, с которою он в I т. расточал похвалы, становится крайне нетерпимым по отношению к творчеству идейно-общественному, а в III т. резко отрицательные характеристики даже преобладают. В I т. очень содержательны этюды о Баратынском, Тютчеве, Гоголе, Лермонтове, Гаршине, Чехове. С особенною теплотою говорит А. о Чехове, в котором усматривает не столько пессимизм, сколько задушевную жалость ко всему несовершенному. В своем стремлении во